

Н. Берви-Фелеровский

Положение рабочего класса в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Берви-Фелеровский**
Положение рабочего класса в России / Н. Берви-Фелеровский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 502 с.

ISBN 978-5-518-10803-5

ISBN 978-5-518-10803-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	стр. 1
Часть первая. Работникъ Сибири, сѣверной и пустынной Россіи.	
Глава I. Работникъ-бродяга	3
— II. Сибирскій земледѣлецъ	34
— III. Зауральскій рабочій	59
— IV. Положеніе работника на сѣверѣ	90
— V. Астраханская губернія. Национальности	121
Часть вторая. Работникъ земледѣльческой Россіи.	
Глава I. Земледѣлецъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Вологодской губерніи	157
— II. Признаки анархіи въ поземельныхъ отношеніяхъ	176
— III. Вліяніе помѣщичьихъ земель на благосостояніе Россіи	191
— IV. Земледѣлецъ степной полосы между Ураломъ и Волгой	222
— V. Земледѣлецъ черноземной полосы	250
Часть третья. Работникъ промышленной Россіи.	
Глава I. Работникъ приспѣватель	281
— II. Горный рабочій	307
— III. Впечатлѣніе, которое производятъ промышленныя губер- ніи и данныя статистики	336
— IV. Фабричное и мелкое производство. Ходящій на заработки	378
— V. Нравственное настроеніе работника въ промышленныхъ губерніяхъ и въ цивилизованной Европѣ. — Русскій пролетарій	403
Заключеніе	449

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
14	Сн. 9	голодомъ	голоднымъ
91	— 1	пудожцы	пудошцы
127	Св. 10	разнашитые	разнашитые
171	— 20	сумму.	сумѣ.
174	Сн. 18	ни пролавать	продавать ни
184	— 21	постѣкахъ	пѣсѣкахъ
193	Св. 18	непониманіи ими	непониманія
218	Сн. 20	высшихъ	вышнихъ
229	Св. 12	безплодыя	безплодыя
261	Св. 5	34,700,000 тысячъ пудовъ	34,700,000 пудовъ
305	Св. 9	государственнымъ	государственныхъ
340	Сн. 20	первому	первому
350	Св. 10	статистика	статистику
351	Сн. 7	сорока десяти	сорока девяти
361	— 8	болѣе могущественный	болѣе могущественный, —
384	— 1	превышала	превышало
403	— 1	любви на званіе,	любви, но званіе,
417	Св. 3	возрастъ; а ему время жениться,	возрастъ, а ему время жениться;
420	Сн. 13	въ дѣтствѣ,	въ дѣтствѣ,
441	Св. 18	твой	свой
456	— 21	равноженію	равноженію
457	Сн. 3	безъ-	безъ-
476	Св. 6	защитника	противника

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ сочиненіи я имѣлъ въ виду отвлечь наше общество отъ погони за мелочными цѣлями, которыя ему выставляются, какъ великія пасущія потребности, разными заинтересованными сторонами, или которыми стараются занять его страсти, придавая имъ видъ прекрасной прогрессивной дѣятельности. Я старался показать, какою на немъ лежитъ дѣйствительно великая обязанность, и если съ перваго взгляда это великое дѣло покажется ему неосуществимымъ или невозможнымъ, то пусть же оно подумаетъ объ немъ серьезно. Только съ серьезной думой, съ глубокимъ чувствомъ можно совершать дѣйствительно прекрасное. Общество не должно забывать, что первая обязанность образованнаго человѣка — это плодить жизнь на землѣ. Отъ этой обязанности онъ не имѣетъ права отрекаться, или же долженъ отречься также и отъ человѣческаго своего достоинства. Между интеллектуальной дѣятельностью и матеріальной работой существуетъ самая тѣсная связь. Люди, которые считаютъ для себя выгоднымъ накладывать руку на матеріальный трудъ, будутъ врагами и интеллектуальной дѣятельности: рабовладѣльцу не нуженъ агрономъ и еще менѣе нуженъ юристъ; чѣмъ болѣе фабрикантъ имѣетъ власти надъ рабочимъ и надъ цубликой, посредствомъ вязкой заработной платы и протекціонной системы, тѣмъ менѣе для него необходимы техникъ и политико-экономъ, — онъ тогда не ищетъ честнаго и знающаго чиновника и судью, а ему надо цевѣжественнаго взяточника, котораго легко подкупать и заставлять сѣчь и прятѣснять рабочихъ. Интеллектуальный работникъ тогда только будетъ нуженъ капиталисту и землевладѣльцу, когда въ капитала и въ земли нельзя будетъ извлекать дохода въ ущербъ рабочимъ и въ ущербъ покупателямъ произведеній, а когда для этого нужно будетъ возвышать производительную силу капитала и земли. Желая разъяснить великую солидарность интересовъ въ нашей общественной жизни, и не пускаясь въ мелочныя описанія и разъясненія жизни отдѣльных рабочихъ, — я бралъ только самыя крупныя группы и описывалъ ихъ въ великихъ отличительныхъ чертахъ ихъ жизни. Нѣкоторыя главы изъ этого сочиненія уже

были напечатаны въ поврежденныхъ изданіяхъ, но здѣсь онѣ являются съ существенными дополненіями. Я избѣгалъ повтореній, но повторенія эти все-таки вкрались, потому что въ разныхъ частяхъ книги мнѣ приходилось описывать работниковъ одного и того же рода, но въ разныхъ мѣстностяхъ, или работниковъ различнаго рода, но одной мѣстности, — приходилось мнѣ говорить, такимъ образомъ, и о чертахъ общахъ всемъ или очень многимъ рабочимъ группамъ. Не описаны мною двѣ большія и интересныя группы рабочихъ — рабочіе степцы и казаки; но это потому, что такое описаніе, само по себѣ очень интересное, не соответствовало бы однакоже цѣли настоящаго сочиненія, точно также, какъ напр. описаніе жизни колонистовъ. Всѣ эти описанія представляли бы картины совершенно побочныя, были бы лишнимъ бременемъ при развитіи идеи сочиненія и не вели бы къ общему заключенію. Поэтому я напримѣръ казаковъ, башкиръ, калмыковъ коснулся именно лишь настолько, насколько они нужны были для общей цѣли. Точно также поступалъ я и со всеми другими группами. Исслѣдованія дали мнѣ массы фактовъ, факты дали мнѣ выводы; когда выводы были получены, я оставлялъ конечно только тѣ факты, которые къ нимъ привели и ихъ объясняли, а остальные отбрасывалъ. Это приемъ необходимый не только въ наблюдательныхъ, но и во всѣхъ опытныхъ наукахъ. Еслибы химикъ повѣщалъ ученому міру о всѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыя были имъ сдѣланы, или о всѣхъ не приведшихъ къ результату опытахъ, то ему безъ всякаго сомнѣнія замѣтили бы, что науку трудно обнять по множеству нужныхъ фактовъ, а обременять ее еще лишними — крайне неумѣстно, что если онъ хочетъ сообщить ученому міру что-нибудь интересное, то онъ долженъ описать не тѣ опыты, которые ни къ чему не повели и показали только его неловкость, а тѣ, которые дали полезный для науки результатъ.

ЧАСТЬ I.
РАБОТНИКЪ СИБИРИ,
СЪВЕРНОЙ И ПУСТЫННОЙ РОССИИ.

ГЛАВА I.

Работникъ-бродяга.

«Охъ, плохое наше житье,—слышится всюду въ средней Россіи,—зѣмли у насъ малыя, оброки большіе и повернуться какъ не знаешь; вотъ въ Саратовской губерніи или въ Пермской,—тамъ житье: земли много, пашни сколько хочешь, тамъ и умирать не надо». Поѣхалъ я посмотрѣть на Эльдorado въ восточной Россіи, но, лишь только забрался въ самое сердце Пермской губерніи, услышалъ ту же пѣсню: «плохое наше житье, вотъ въ Тобольской губерніи тамъ житье, такъ житье, тамъ и землю никогда не упавоживаютъ». Спѣшу въ Тобольскую губернію, но тамъ оказывается также плохое житье и восхваляется Томскій округъ: «тамъ-де и лѣса изобильныя и земли цѣдлыя». Но и въ Томскомъ округѣ крестьянинъ оплакиваетъ свою горькую участь; «здѣсь земли легкія, не плодоносныя,—говоритъ онъ,—зима суровая, ничего не родится; вотъ въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округѣ тамъ богатство, и хлѣбъ, и медъ, и лѣсъ—все въ изобиліи». Добрался я до Кузнецкаго округа—и что же? хотя бы я встрѣтилъ тѣль довольства своею судьбою. «Зачѣмъ и дѣти-то у насъ рождаются,—кричатъ матери въ одинъ голосъ—пусть бы они умирали скорѣе, намъ бы легче было». Гдѣ же хорошо? спрашиваю я, наконецъ, въ недоумѣніи. «Въ восточной Сибири, тамъ хорошо», отвѣчаютъ мнѣ. Но терпѣніе мое достигло своего предѣла, я не вѣрю болѣе рабочему человѣку, а начинаю спрашивать образованное сословіе... Оказывается совершенно наоборотъ: я слышу тутъ однѣ утѣшительныя рѣчи. «У насъ—говорятъ—не то, что въ Англіи или въ западной Европѣ, у насъ нѣтъ пролетаріевъ, здѣсь народъ благоденствуетъ». Въ восточной Россіи похвалять еще болѣе: «у насъ здѣсь все дешево,—повторяютъ мнѣ,—и хлѣбъ, и мясо. у насъ здѣсь народъ не умираетъ»

4 РАБОТНИКЪ СИБИРИ, СЪВЕРНОЙ И ПУСТЫННОЙ РОССИИ.

съ голоду, голодныхъ мы здѣсь не видали». Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, въ Сибири похваламъ нѣтъ конца; «у насъ здѣсь, — говорятъ мнѣ, — не то, что у васъ въ Россіи, здѣсь голодныхъ не водится, народъ ржаного хлѣба и ѣсть не станетъ, курныя избы здѣсь неизвѣстны, народъ живетъ чисто, а вашихъ російскихъ называетъ лапотниками — презрительное названіе. данное народомъ, который никакой другой, кромѣ кожаной, обуви не носитъ. Если же хотите посмотрѣть на богатство и роскошь сибирскаго рабочаго, то поѣзжайте на золотые промыслы. Когда рабочіе возвращаются съ промысловъ, они кутятъ такъ, что и нашему брату не всегда удастся такъ позабыться, нанимаютъ музыкантовъ, устилаютъ улицы кусками ситца и въ одинъ день издерживаютъ сто или двѣсти рублей. Бываютъ случаи, что одинъ работникъ получить при расчетѣ за лѣто восемьсотъ рублей и черезъ мѣсяцъ не имѣетъ ни одной копейки изъ этихъ денегъ». Много я слушалъ подобныхъ разсказовъ, но одно мнѣ показалось подозрительнымъ, что всѣ эти панегиристы народнаго благосостоянія въ одинъ голосъ повторяли, что у насъ рабочаго человѣка необходимо сѣчь, что безъ розогъ ничего не сдѣлаешь. Гдѣ розги, тамъ рабство, грязь и бѣдность; розги и благосостояніе двѣ вещи несомнѣнными: человѣкъ, пользующійся благосостояніемъ, не позволить себя сѣчь; человѣкъ, котораго сѣвуть, никогда не будетъ пользоваться благосостояніемъ. потому что онъ будетъ грязенъ и нравственно униженъ. — Окончательно запутавшись въ лабиринтъ противорѣчивыхъ разсказовъ и взглядовъ на дѣло, я отправился на золотые промыслы, чтобы посмотрѣть на дѣйствительность и съ нитью личнаго наблюденія добраться до истины.

Порядочная горка! сказалъ я своему спутнику, поднимаясь шагомъ по узкой тропинкѣ, круто взвивавшейся по обрыву скалистой горы. Подо мною, въ безднѣ, бурлялъ весенній потокъ, покрытый корою снѣга. надо мною почти отвѣсно поднималась черная скала и на небѣ рисовались росшія въ трещинахъ деревья. На узкой тропѣ поминутно скользило осторожное копыто лошади; отрывался камень, скакалъ по обрыву, какъ пущенное ядро, разбивался на куски и его осколки летѣли со свистомъ, какъ у разорвавшейся бомбы. Несмотря на покойное положеніе на лошади, сознаніе опасности такъ утомляло нервы, какъ будто-бы я самъ карабкался по крутизнамъ. Каждую минуту я измѣрялъ глазами сокращавшуюся тропинку. Еще нѣсколько шаговъ и мы поднялись на лужайку, среди которой стояла небольшая сопка †). Отъ сопки этой до золотата пріиска считалось съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ. Очутившись на ровномъ мѣстѣ, я приготовился отдохнуть и пустилъ лошадь свою рысью, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лошадь фыркнула, наострила уши

†) Сопкою называютъ въ Сибири конусообразную гору.

и вихренькинулась въ сторону; въ тоже время цѣлая стая хищныхъ птицъ поднялась съ разныхъ сторонъ и закружилась въ воздухѣ. Я увидѣлъ зрѣлище, весьма обыкновенное на сибирскихъ дорогахъ: полусъѣденный птицами трупъ лошади, съ отвратительными красными ранами и выклеванными глазами. Рядомъ съ нимъ лежало еще что-то; я едва могъ осилить себя, чтобы разсмотрѣть, и разсмотрѣлъ трупъ человѣка, умершаго отъ голода. Онъ, по-видимому, хотѣлъ раздѣлить трапезу съ хищными птицами, но не успѣлъ и кончилъ свое существованіе. Павшая на дорогѣ лошадь была для меня зрѣлищемъ привычнымъ, но подобное прибавленіе такъ меня поразило, что я едва не лишился сознанія. «Господи,—вскричалъ мой проводникъ,—это Боролевъ, мы съ нимъ вмѣстѣ на промыслѣ работали». Онъ совершенно растерялся, безъ причины привязалъ лошадь къ дереву, какъ будто хотѣлъ что-то сдѣлать, но только сошелся въ разные стороны. Глядя на его оборванную фигуру, на торчащіе черные волосы, мнѣ пришла въ голову мысль, и я спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ и для себя подобной участи? «Чего добраго,—отвѣтилъ онъ,—въ этой проклятой сторонѣ не мудрено дожидаться, тутъ не то, что у насъ на Дону...» и пошелъ. Я остановилъ потокъ его краснорѣчія замѣчаніемъ, что нужно дать знать исправнику. «Вонъ-на,—отвѣчалъ онъ,—мало ли ихъ здѣсь по тайгамъ-то пропадаетъ, такъ обо всѣхъ и давать знать»; онъ прибавилъ, что скажетъ священнику, чтобы онъ заочно отпѣлъ покойнаго †).—Мнѣ сдѣлалось страшно, и я, для развлеченія, посмотрѣлъ кругомъ себя. Подо мною была глубокая долина, утопанная въ лѣсной зелени, по срединѣ вилась рѣка по бѣлымъ камнямъ и яркой полосой желтѣлъ среди зелени песокъ. Съ боку камни были террасами наворочены на груды камней, и образовались двѣ скалы; зелень между камнями была такая пѣнная, наливная, что она казалась скорѣе какимъ-то призракомъ, чѣмъ дѣйствительностью, и каждую минуту я ожидалъ, что она распылится въ воздухѣ. Далѣе кругомъ, въ долинахъ, по холмамъ разросся безконечный лѣсъ; то онъ падалъ съ горы крутымъ сватомъ къ рѣкѣ, и на вершинѣ стояла сойма, то грядками поднималась его кудрявая зелень и густою тѣнью опускалась въ долину. Въ одномъ мѣстѣ рисовался на зеленомъ фонѣ рядъ остроконечныхъ горъ, покрытыхъ чернымъ лѣсомъ, въ другомъ лѣсистая вершина нависшей скалы грозила съ грохотомъ обрушиться въ долину и запрудить рѣку камнями. Все это кончалось зубцами сплошнаго лѣса. Надъ ними неясно былъ видѣнъ другой рядъ зигзаговъ темнаго лѣса: тутъ видны были и круглыя, и острые вершины, длинныя скаты и темныя долины. Еще далѣе, вдоль всего горизонта, тянулась цѣпь бѣлоснѣжныхъ горъ. То они возвышались зигзагомъ надъ зигзагомъ и какъ будто устремлялись, чтобы достать небо, то вытягивались длинными волокомъ. Съ живописной пестротой мѣнялись на горныхъ вершинахъ бѣлоснѣжная полоса съ темною отъ лѣснаго оврага и, послѣ ряда

†) Заочное отпѣваніе встрѣчается не только въ Сибирѣ, но и въ восточной Россіи.

угловъ, протянулись двѣ круглыя вершины самаго яркаго, розово-бѣлаго блеска и на нихъ хотя бы пятнышко тѣни. Надъ головою золотое небо. Бругомъ меня свистали соловьи, звонко раздавались трели одного, и свозъ мощные, полные звуки едва можно было разслышать отдаленное цѣніе другихъ. Миѣ неволью пришло въ голову — вотъ какова природа и вотъ судьба чело-вѣка! — Какъ же это случилось, чѣмъ объяснить такой ужасный конецъ рабо-чачо? — Будемъ на промыслѣ, все объяснится †).

†) Извѣстіе о работникахъ, умирающихъ въ тайгѣ отъ голоду и страданій, не въ первый разъ является въ печати; о работникахъ, умирающихъ въ Енисейской тайгѣ, говоритъ Еривощанинъ, въ сочиненіи: «Енисейскій округъ и его жинь. С.-Петербургъ 1865 г.» На стр. 191 сказано: «золотопромышленники и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ особенной, коммерческой точки зрѣнія; они говорятъ, что наши пріисковыя больницы осно-вываються только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или вистранныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгнать на просторъ тайги всѣхъ трудю и затяно-больныхъ, и надобно основать гдѣ-нибудь въ болѣе жиломъ мѣстѣ, или даже въ городѣ, общую лечебницу, куда бы свозить ихъ. А то, при каждомъ хроническомъ случаѣ: дынги, хроническаго ревматизма, водянки, хроническаго слезивстаго катарра, чахотки и т. п., рабочихъ рассчитываютъ, съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ: «рас-считанъ за болѣзнь; остался долженъ столько-то рублей, почему по вмадоромле-ніи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года». Безъ всякаго призра-нія, безъ подводы, отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, под-вергается всѣмъ переиѣнамъ суровой погоды — его мочить въ дождь и сверху и снизу, вѣтры пронизываютъ насковъ его дыравую одешеню, шуетъ онъ кое-какъ давшие ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ смотрите: одинъ, въ конвульсіяхъ, умираетъ на дорогѣ еще въ границахъ пріисковъ, и предается землѣ, съ вѣдома пріисковой полиціи, жидцами сосѣдняго зимовья. Другаго смерть застигаетъ гдѣ-нибудь на зимовья, и, жарясь отъ боли на печя, прерываетъ онъ свои оханьями да глубокими вздохами тишину одинокой хижины; говорю одинокой, потому что живутъ чаще безъ семействъ, и въ ночное время ноеть вторить стону его развѣ слезочникъ-котъ своимъ журлыканьемъ, да храпъ зимовника, да шрѣдка съ про-сона тивканье собаки, когда приснется ей кака-нибудь изъ дневныхъ сценъ. Третій протащится всю тайгу, умретъ гдѣ-нибудь яблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошняхъ въ котелочкѣ воду для питья, въ Андисе-ровской уже волости и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для оируж-наго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засынаетъ тихинъ и вѣчнымъ сномъ, отъ чахотки, гдѣ-нибудь въ уютномъ углу у забора, какъ случилось миѣ видать. Пятый врепро-воздается въ городскую больницу и, горько смотреть, — оборванннй, безъ преуве-личенія, до дослутъевъ, замаранный грязью, пылью, даже дотого, что нельзя узнать лица человеческого, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ загла-дѣ — и только бѣлки глазъ, понорачивающихся то одной, то другой стороною, бли-чаютъ въ щель живого челоавка, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покой и